

Д. А. Глазунов Обычное право барабинских татар и русское уголовное право

Изучая правовую организацию Российской империи, исследователи сталкиваются с таким феноменом, как «правовой плюрализм». Правовой плюрализм предполагает, что правовая жизнь государства протекает в нескольких плоскостях или, по словам С.Э. Мери, «это ситуация, при которой две или более правовые системы существуют в одном социальном поле»¹. Взаимодействие разных правовых систем ведет к различным юридическим коллизиям. Для уголовного права можно выделить два главных противоречия. Во-первых, выделяются деяния, не запрещенные законом, но наказуемые по обычаю; и проступки, наказуемые по закону, но признаваемые народом непроступными². Во-вторых, в разных правовых системах одно и то же деяние может считаться преступным, но его природа может толковаться по-разному, а следовательно, и наказания за его совершение будут различными.

В отечественной историографии обычного права преобладают конкретно-исторические или этнографические исследования³. Такие работы, описательные по характеру, фиксируют определенные нормы обычного права тех или иных народов. В таких работах обычное право рассматривается как архаическое явление, с официальными законами не сопоставляется. В последнее десятилетие наметился сдвиг в оценке обычного права, которое стало рассматриваться в качестве особого социокультурного явления. Право выступает не как пережиток прошлого, а как уникальное явление, способное меняться и развиваться. В право-

Глазунов Дмитрий Александрович, к.и.н., доцент Алтайского государственного университета.

Эл. почта: dutrih@rambler.ru

¹ Бобровников О.В. Мусульмане Северного Кавказа: обычаи, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002. С. 99.

² См. например: Танишев В.В. Общие начала уголовного права в понимании русского крестьянства // Журнал Министерства Юстиции. 1909. № 7. С. 125, 127; Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб., 1999. Т. 2. С. 67, 69.

³ См. например: Борисов А.А. Якутское общество и обычное право в XVII – начале XX в. М., 2002; Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы в Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент, 1889; Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII – XIX в.). Томск, 1990; Ломакин А. Обычное право у Туркмен. Аш., 2-е изд. 1994; Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы) / Сост. и автор комментариев В.В. Карлов. М., 1997.

вой жизни происходит процесс взаимопереплетения, взаимодействия официального и обычного права¹.

Целью нашей статьи является анализ уголовного обычного права барабинских татар и его соотношения с официальными законами. Работа базируется на программе 1882 г., которую, вероятно, составил известный исследователь юридических обычаев народов Сибири Н. Костров². Программа состоит из 92 вопросов, напротив которых респондент (каинский окружной исправник) зафиксировал соответствующую информацию, исходя из собственных знаний, наблюдений или общения со сведущими людьми, лицами старшего возраста. Программа состоит из двух частей: гражданское (семейное, наследственное, охранительное и вещное) и уголовное право.

Барабинские татары проживали в Каинском уезде и управлялись семьей инородческими управами. В конфессиональном плане татары исповедовали ислам, для которого характерна тотальная регламентация почти всех сторон общественной жизни. Но специфика российского ислама заключалась в том, что ему не была присуща исламская правовая культура³. На окраинах России нормы адата (обычного права) применялись наряду с мусульманским правом (шариатом, фикхом), зачастую противореча ему, причем фикху была отведена роль гораздо более скромная. Нормы мусульманского права могли быть реализованы, только когда становились частью местных обычаев⁴. Каинский уездный исправник писал: «При решении дел по вере магометане руководствуются шариатом Пророка, которым большей частью обуславливаются народные их обычаи»⁵. Наряду с мусульманским духовенством в правовой жизни участвовали «местные старики» и инородческие управы.

По делам духовного характера татары управлялись приходскими хатыпами (муллами) и окружным ахуном, подчинявшимся Оренбургскому магаметанскому собранию. По Уставу духовных дел иностранных исповеданий исламскому духовенству предоставлено право рассматривать и решать по правилам своей веры следующие дела: о богослужении, об обрядах, об исправлении треб, о заключении и расторжении браков, о разборе дел по духовным завещаниям, по разделу имущества, о непослу-

¹ См. например: Бобровников О.В. Мусульмане Северного Кавказа; Ломакина И.Б. Обычное право: историко-правовой аспект. СПб., 2005; Бабич И.Л. Правовая культура адыгов (история и современность): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2015.

³ Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004. С. 380.

⁴ Беккин Р.И. Мусульманское право как отражение специфики политико-правовой культуры мусульманского мира // Политические системы и политические культуры Востока. М., 2006. С. 215.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2015. Л. 2 об.

шании детей и о супружеской неверности и пр.¹ Мусульманское духовенство не должно было выносить приговоры, связанные с телесными и иными «позорными» наказаниями. Религиозные власти должны были увещивать и накладывать духовное покаяние и исправление, в противном случае стороны могли обращаться в общегражданские суды. Наказания за уголовные преступления и проступки не входили в сферу деятельности мусульманского духовенства и определялись общими законами либо в инородческих управах, либо в судах общей юрисдикции.

Дореволюционные правоведы определяли понятие преступления в целом одинаково, расходясь в незначительных нюансах. В. Спасович видел в нем «деяние, запрещенное законом под страхом наказания, иными словами, оно – нарушение закона уголовного». А. Кистяковский писал о нем как о нарушении закона, установленного для ограждения безопасности и благосостояния граждан. Наконец, Н.С. Таганцев давал следующую дефиницию: «преступное деяние будет нарушением или неисполнением норм, т.е. приказов и запретов авторитарной воли, определяющих и направляющих людей в общежитии»². При этом Н.С. Таганцев не отождествляет преступление ни с аморальным поведением, ни с религиозным грехом.

Барабинские татары выводили преступление из религиозного мировоззрения: «бузук ср:Аллы»(?) (преступление), «зулум» (злодеяние) и «аз бузуклы» (проступок). Преступление рассматривалось в качестве греха, который неминуемо влек за собою божью кару «в жизни настоящей и будущей преимущественно»³. Далее в анкете пояснялось, что кара в настоящей жизни расценивается инородцами как «божья воля, выразившаяся в злой воле человека, а также в стечении несчастливых для грешника обстоятельств». В анализируемом нами документе приводятся поговорки, в которых преступления детерминировались религиозными понятиями: Алланын ирке (Божья воля), Кноге чумади (грех попутал), Шайтан алдырды (дьявольское наваждение). В этой связи на преступника Барабинские татары смотрели «часто сострадательно и верили в возможность исправления».

Формулирование преступления через религиозные категории приводит нас к юридическим противоречиям. Если официальное право, которое представляло научное юридическое сообщество Российской империи, регулировало отношения между людьми, то религиозное помимо этого регламентировало отношения человека к самому себе и к Богу. Следовательно, круг проступков расширялся.

¹ Свод Законов. 1911. Т. XI. Ст. 1393, 1398, 1418. С. 133, 135.

² Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть общая. Киев, 1882. § 106; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. М., 1994. С. 25; Спасович В. Учебник уголовного права. Часть общая. СПб. 1863. § 34.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2015. Л. 22.

Интересно, что 60-й вопрос анкеты формулировался следующим образом: «Не известны ли случаи (какие именно), которые, будучи, не наказуемы по закону, запрещаются и наказываются по обычаю и наоборот». Ответ звучал отрицательный: таких проступков инородцы не знают. Но дальнейшее изучение документа показывает обратное. В частности, речь может идти о непослушании детей.

Признаки преступного деяния юристы обычно сводят к трем группам: физическое лицо, виновник преступного деяния; объект преступного посягательства и само преступное посягательство¹. Барабинским татарам, в принципе, данный состав преступного деяния был не чужд. Физическое лицо, по их мнению, должно быть дееспособным, вменяемым. Невменяемыми признавались идиоты, сумасшедшие, малолетние до 15-ти лет². Преступление связывалось умышленной виной – *улягацы* (злумышленность). Виновность предполагала как умысел, так и неосторожность. Респондент по этому поводу ответил следующим образом: «По понятиям инородцев злая воля для наказания необходима. Человек, совершивший несколько преступлений, подлежит более строгому наказанию. Увеличивающие или уменьшающие вину обстоятельства зависят от времени, места, способа и предмета преступления. Чем больше было употреблено средств к преодолению причин, препятствующих к совершению зла, тем более вина преступления увеличивается... Преступниками не считаются совершившие преступления по необходимости в видах личной обороны или вследствие крайних обстоятельств. Они либо вовсе не наказуются, или наказуются вообще менее строго. Совершившие же преступление по неосторожности наказанию тоже не подлежат, но обязаны вознаградить потерпевших лишь за вред и убытки, ежели они того пожелают». Не чуждо инородцам и понятие соучастия. Их язык выделяет: главного преступника (угры (?)), подстрекателя (дамледы (?)) и укрывателя (янгарды (?)). Подстрекатель подлежит более строгому наказанию, а главный преступник и укрыватель – равному. Но наказание на них налагается по общим законам Империи.

Тем не менее, нормы обычного права барабинских татар имели более широкий круг карательной деятельности, чем соответствующие аналоги из числа официальных законов. Не вникая во все тонкости преступной деятельности, отметим, что в большинстве случаев русское уголовное законодательство не наказывает за добровольно оставленное покушение на преступление или за одно лишь заявление о желании совершить

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. С. 141.

² 15-летний возраст указан ошибочно. Судебные уставы установили особую возрастную группу лиц 14–17 лет, по отношению к которым суд должен был устанавливать персональную вменяемость. Список невменяемых лиц указан не полностью.

такое. Но для барабинских татар подобная ситуация предполагала наказание по правилам шариата¹.

Серьезным расхождением между двумя рассматриваемым правовыми системами можно считать особенную часть уголовного права. Речь идет об определении иерархии тяжести преступных деяний. На наш взгляд, подобная ситуация вытекает из религиозных установлений барабинских татар. Наибольший грех, по их мнению, содержит в себе убийство, далее – богохульство, прелюбодеяние, а меньший – оскорбление словами и мошенничество как против иноверцев, так и против мусульман. На наш взгляд, ситуация усугублялась политикой отделения инородческого суда (как суда сословного) от общегражданских и наличием двойной системы наказания. За преступления, которые входили в компетенцию инородческих органов власти, действовала целая система арестов и телесных наказаний. Например, за незначительные кражи предметов и обиду на словах предусматривался арест от 0,5 до 3-х дней или более строгое наказание розгами от 3-х до 25-ти ударов. Кроме того, такие дела решались примирением через прощение или уплату денежного вознаграждения по обоюдному согласию.

Наличие телесных наказаний для сословных судов играло негативную роль и приводило к оформлению особой инородческой системы наказания. Можно предположить, что телесное наказание воспринималось «инородцами» как жестокое, несправедливое и непропорциональное преступному деянию, что заставляло барабинских татар искать ему альтернативу. В этом отношении наиболее показательными являются обрядовые наказания: покаяние в ограде мечети за пьянство или провод по улице молодых парней за маловажные кражи с ворованным предметом. Поскольку, что «подобный самосуд со стороны местной власти всегда преследуется, то инородцы пользуются им лишь в отдаленных улусах или при отсутствии блюстителей закона»².

Номенклатура преступлений в анкете соответствовала русскому уголовному праву. Скорее всего, ее составитель использовал уже готовую схему. Поэтому сложно судить о классификации (если таковая была) преступных деяний у татар. По неизвестным причинам в анкете не нашлось места для преступлений против государства и государственных институтов, речь идет только о преступлениях религиозных, деяниях против личности, против имущества и телесной целостности. Но как уже отмечалось, у барабинских татар понятие преступления было большим по объему, чем у имперского законодательства. Рассмотрим конкретные преступные деяния и их содержание.

В круг *религиозных преступлений* входили: «неисполнение обрядов», оскорбление священных мест и предметов, лжеприсяга и лжесвидетельст-

во и т. д. За все подобные преступления виновные привлекаются к наказаниям по определению духовного начальства, которому предоставляется в случаях надобности просить о наложении на виновного и наказания светского по общим законам. В русском законодательстве религиозные преступления также имели место¹. Большинство из них регулировалось церковным законодательством. Возможно, что такая ситуация возникла в результате того, что церковь рассматривалась как часть государства. Тем не менее, в русском законодательстве количество религиозных преступлений было значительно меньше, и оно имело тенденцию к уменьшению. Например, лжесвидетельства, ябеды, ложный донос с 1908 г. не входили в перечень дел, которые рассматривали окружные суды.

Круг преступлений против личности был достаточно обширен. Сюда входили: преступления против брака, семьи, родителей и целого рода; оскорбления чести; нанесение побоев, увечья и ран; убийство и самоубийство; оставление человека в опасности. Из всех преступлений самым предосудительным было деяние, направленное против женской чести. Поэтому для преступника предусматривался целый комплекс наказаний: духовное покаяние, исправление по шариату, уголовная ответственность по общим законам Империи и вознаграждение родителям или мужу. Влияние религиозных властей распространялось на все родовые ссоры и на неповиновение детей родителям (оскорбление словами или действием).

Влияние религиозных воззрений особенно ярко проявляется при рассмотрении наказаний за оскорбление чести. Оскорбить человека – значит выставить его за рамки религии, что для татар было неприемлемым. Как указывал каинский исправник, наиболее оскорбительными выражениями для чести признаются «худой бельмесен» (бога не знаешь, богоотступник), «дин бельмесен» (своей веры не знаешь, вероотступник). Обидными считались и указания на плохое исполнение религиозных заповедей: «Яромас-шле» (распутного поведения) «Яман» (худой)². За нанесенные словами оскорбления виновные должны наказываться очень строго – розгами от 3-х до 89-ти ударов. Но ниже респондент отмечал, что такие оскорбления принято прощать виновным. Как уже говорилось, подобная ситуация, возможно, возникает из-за строго телесного наказания, которое могло выглядеть непропорциональным для данного проступка.

Телесные повреждения подлежали рассмотрению и решению по общим законам Империи. Но духовное начальство также принимало участие в таких делах, при условии их «маловажности», для миролюбивого примирения. Интересно, что каинский окружной исправник посчитал необходимым именно в этом разделе подробно остановиться на законах

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2015. Л. 24.

² Там же. Л. 25.

¹ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1901. СПб., 1904. С. 43.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2015. Л. 27.

шариата по поводу нанесения тяжких побоев. Эти законы действовали по принципу «око за око»: «если виновный сломал руку, вышиб глаз и т.п., то потерпевший или его родители и родственники вправе отплатить виновному тем же; а если с той и другой стороны последует согласие покончить дело миром, то предоставляется сделать это с уплатой потерпевшему вознаграждения по обоюдному соглашению»¹. Предположим, что для данного преступного деяния общественное сознание барабинцев воспринимало шариатскую систему преступления-наказания как альтернативную общероссийской.

Для самоубийства, убийства и оставления человека в опасности действовала общая система наказания, предусмотренная законами Империи. В дополнение к ней виновного привлекали к духовному покаянию.

Индивидуальная группа – преступления против имущества: самовольное завладение и пользование, кража, обман, мошенничество и грабеж. Для респондента эта категория дел была самой запутанной, т. к. они решались в общих судебных местах или в словесной расправе, в итоге «отыскать примеров трудно». Но их двойственность как в процессуальной стороне, так и в наказаниях очевидна. С одной стороны, «барабинские инородцы вообще бдительно охраняют свои имущества... в случае пропажи какой-либо вещи хозяин немедленно заявляет о том... местному своему полицейскому начальству для розысков». С другой – «всякий потерпевший от кражи не лишается права вознаградить по своему усмотрению того, кто укажет ему вора». Дела решались либо по общим законам Империи, либо по обоюдному соглашению. В первом случае виновные подвергались ответственности на общем основании, во втором практиковались обрядовые наказания. В подобных случаях большую роль играл объект преступления. Наиболее осуждаемой кражей считалось воровство лошадей и коров, как предметов, обеспечивающих благосостояние инородцев: «За кражу лошадей, коров, мелкого домашнего скота, имущества и т. п. наказание полагается по общим законам, смотря по предметам и обстоятельствам учиненного преступления»². Что касается самовольного завладения и пользования, то дела такого рода решались по обоюдному согласию.

Обычное право и уголовное имперское законодательство одинаково смотрели на структуру преступления, но категория «преступление» не совпадала. В обычном праве большую роль играло мировоззрение, соответственно преступление охватывало более широкий круг деяний. Наличие двойной системы наказания, несоразмерность преступлению, значительное влияние религиозного руководства приводили к тому, что общество барабинских татар вырабатывало свою систему наказания, т. е. фактически покусалось на прерогативы верховной власти.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2015. Л. 27–28.

² Там же. Л. 29.